

ЭТНОГЕНЕЗ УКРАИНЦЕВ
И БЕЛОРУСОВ В
СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
РОССИИИ © *Игорь Курукин*

Автор должен признать, что раскрытие заявленной темы представляет немалые трудности. Во-первых, потому что проблема этногенеза исключительно сложна по своей сути (корни любого современного народа уходят в глубокую древность) и, как правило, не имеет однозначной трактовки в силу сложности интерпретации порой противоречивых данных различных дисциплин (антропологии, лингвистики, археологии и т. д.).

Во-вторых, подобного рода изыскания редко остаются сугубо академическими и вызывают повышенный общественный интерес. Не говоря уже о работах, в которых, как выразился автор историографического исследования о процессе становления украинского народа, «принципы научной объективности и политической конъюнктуры далеко не всегда были согласованы»¹. Проблема, правда, заключается в самой возможности подобного «согласования». В настоящее время историческая наука бывших советских республик переживает время, когда на первое место выдвигаются «не столько научные, сколько пропагандистско-воспитательные функции – значимости роли собственного народа, служение государственным лозунгам, культивирование идеализированных героических фигур и т. п.»². Как раз в этом году Ярослав Мудрый занял первое место в киевском телепроекте «Великие украинцы», а в России подобный конкурс близится к завершению. Периодические обострения политических взаимоотношений, по мнению ученых, будут «приводить к еще большей политизации и идеологизации не только текстов учебников и популярных работ, но и сугубо научных исследований, которые, очевидно будут подвергаться цензуре в связи со специфическим видением исторического прошлого руководителями обеих стран»³.

¹ Бондаренко Н. С. Славянский этногенез и становление украинского народа (историографический анализ). Киев, 2007, с. 5.

² Яковенко Н. Н. Между правдой и славой (не совсем юбилайные раздумья к юбилею Богдана Хмельницкого) // <http://www.zarusskiy.org/history/2008/07/14/bogdan/>.

³ Юсова Н. Нелегкий выбор между патриотизмом и правдой истории // <http://www.ua.rian.ru/analytcs/20080416/77918509.html>.

В-третьих, «центр тяжести» таких исследований находится на Украине и в Белоруссии, переживающих период становления или воссоздания национальной государственности, переосмыслиения былых исторических концепций, поисков национальной идентичности и своего места в мире. В России данные сюжеты не были приоритетными⁴. Только в последнее время ситуация изменилась. Активизировал свою деятельность Центр украинистики и белорусистики на историческом факультете МГУ, который совместно с зарубежными научными институтами разрабатывает исследовательскую программу «Конфессии и нации. Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе: от средневековых дискурсов к современным результатам». Завязались интересные дискуссии в Отделе восточного славянства Института славяноведения РАН⁵. Проведенная этими центрами весной этого года Международная историческая научная конференция «Россия и Украина: история и образ истории» стала событием в научной жизни России. С февраля этого года создан Центр украинских исследований в Институте Европы РАН.

Следствием распада СССР стал тот факт, что со страниц отечественных учебников истории исчезли сюжеты, касающиеся ближнего славянского зарубежья, и история России оказалась по большей части сведенной к развитию Московского государства, окруженнего не очень дружелюбными соседями. В современных учебниках можно встретить все из обозначенных в содержательной статье А. И. Филиушкина «образов Великого княжества Литовского»⁶.

Один из самых распространенных школьных учебников содержит указание об отделении от великороссов в XIII столетии «других частей бывшей древнерусской народности», которые формировались на западных и юго-западных землях в условиях «ордынских нашествий и захватов литовских, польских, венгерских правителей»⁷. Новейшая вариация этого же пособия

⁴ Соответствующие разделы в монографиях российского Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН написаны представителями научных школ этих стран (см.: Белорусы. Москва, 1998; Украинцы. Москва, 2000. Не так давно А. Л. Хорошевич констатировала, что проблема «формирования национального самосознания украинского и белорусского народов в отечественной историографии практически не разрабатывается» (Хорошевич А. Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001, с. 64).

⁵ См.: На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения: [Материалы круглых столов, апрель – май 2003 г.] / Отв. ред. Л. Е. Горизонтов. Москва, 2004.

⁶ См.: Филиушкин А. И. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab imperio, 2004, № 4, с. 561–600.

⁷ См.: Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. Москва, 2008, с. 189–190.

говорит только о развитии сложившейся в X–XIII вв. «русской цивилизации»; позднее от нее были насильственно «оторваны» южные и западные земли, но их жители продолжали считать себя «русскими»⁸.

В других книгах оценки условий и самого процесса этногенеза различаются. Один учебник говорит об объединении с Литвой Западной Руси, которая после этого стала «свободной, Белой Русью»⁹; другие глухо сообщают об «утерянных землях» или об этнически «русском населении» Великого княжества Литовского, которому в будущем предстояло стать украинцами и белорусами¹⁰; третья более подробно рассказывают о Великом княжестве Литовском и нахождении в его составе территории «будущих Белоруссии и Украины» – но, в одном случае, говорят о тяжелом «тройном гнете» и отрицательной роли польского влияния, изменившего «психологический настрой православной знати» этих земель¹¹, а в другом – что именно федеративная по своему устройству «Литовская Русь стала колыбелью украинского и белорусского народов»¹².

После сообщения этих известий потенциальные новые этносы более не упоминаются, пока при рассказе о внешней политике России в XVII в. не заходит речь о борьбе уже сложившихся украинского и белорусского народов с иноземным господством. События войны 1654–1667 гг. трактуются в свете «освобождения» Украины или решения «задачи воссоединения с двумя народами, близкими к русским по языку, религии, культуре, быту – украинцами и белорусами (они в XVII в. продолжали называть себя русскими)»¹³.

Предназначенные для студентов учебники представляют столь же разнообразную картину. Один из них (написанный преподавателями МГУ и едва ли не наиболее массовый) лаконично утверждает тезис о распаде в XIII в. древнерусской народности и начале формирования на землях Юго-Западной

⁸ См.: Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до конца XVI века. Москва, 2008, с. 147–148, 183–184.

⁹ См.: Черникова Т. В. История России IX–XVI вв. Москва, 2000, с. 136.

¹⁰ См.: Данилов А. А., Павлова Н. С., Рогожкин В. А. Российская история нового времени XVI–XVIII вв. Москва, 2006, с. 123; Павленко Н. И., Андреев И. Л. История России с древнейших времен до конца XVII века. Москва, 2005, с. 111.

¹¹ См.: Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России: с древнейших времен до конца XVI века. Москва, 2008, с. 121–127; Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России: конец XVI–XVIII век. Москва, 2008, с. 68–69; Павленко Н. И., Андреев И. Л., Ляшенко А. М. История России с древнейших времен до конца XIX века. Москва, 2007, с. 67.

¹² См.: Пчелов Е. В. История России с древнейших времен до конца XVI века. Москва, 2008, с. 145.

¹³ Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII века. Москва, 2008, с. 305; Павленко Н. И., Андреев И. Л. История России с древнейших времен до конца XVII века. Москва, 2005, с. 293.

Руси украинской, а на территории Западной – белорусской народностей. Развитие этого процесса на территориях, находившихся «в руках противников России», сопровождалось «разрывом культурных связей» с великороссами, однако в XVII в. уже сформировавшиеся украинский и белорусский народы борются за «воссоединение с Россией»¹⁴.

Авторы другого подготовленного в том же университете учебника полагают, что и в XVI в. «восточных славян еще объединял общий язык, сознание единства происхождения, общие культурно-исторические традиции; у них сохранялось представление о принадлежности к одному «русскому» народу, лишь временно разделенному политическими границами». Но зато ставят на первое место социальный фактор: в России и в Великом княжестве Литовском сложились «два существенно отличавшихся друг от друга общества» – соответственно самодержавная и сословно-представительная монархия с широкой автономией земель и городским самоуправлением¹⁵.

Учебник петербургских историков не указывает временных рамок этногенеза, но отмечает его неравномерность: на территории Украины процесс шел быстрее, благодаря наличию «казацкой субкультуры»; а на территории Белоруссии – медленнее¹⁶. А недавний академический труд как будто и не видит проблемы, когда указывает на «захват» Литвой древнерусских земель, «простой люд» которых, в отличие от «ополяченной» шляхты, постоянно «тянулся к своим братьям по происхождению, языку, вере – к русским». В результате в 1654 г. и произошло объединение каким-то образом получившихся «двух братских народов» – русского и украинского; белорусы же в этом контексте вообще не упоминаются¹⁷.

В итоге можно, кажется, констатировать отсутствие в предназначенных для массового читателя руководствах по отечественной истории четких подходов к проблеме этногенеза. Более того, может сложиться впечатление, что процесс образования соседних славянских народов является каким-то «несчастным случаем» и результатом появления неблагоприятных для развития этих же самых народов условий в виде «захвата» их территорий, религиозного и культурного угнетения.

¹⁴ История России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина. Москва, 2008, с. 85, 162.

¹⁵ История России с древнейших времен до конца XVII века / А. Н. Вдовина, Н. В. Козлова, Б. Н. Флоря; под ред. А. В. Милова. Москва, 2007, с. 451–452.

¹⁶ История России: учебник / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Тот, М. В. Ходяков. Москва, 2005, с. 77.

¹⁷ История России с древнейших времен до конца XVII века / А. П. Новосельцев, А. Н. Сахаров, В. И. Буганов, В. Д. Назаров; отв. ред. А. Н. Сахаров, А. П. Новосельцев. Москва, 1998, с. 546.

Неясная краткость и некоторая неуверенность при изложении данного сюжета отражает, как представляется, существующий разнобой мнений в науке на постсоветском пространстве, пришедший на смену привычной схеме.

Недавнее исследование Н. М. Юсовой показало, каким образом в 1930–1950-х гг. формировалась концепция единой древнерусской народности как «колыбели» будущих белорусского, великорусского и украинского народов¹⁸. В вышедшей в 1945 г. книге «Образование Древнерусского государства» профессор Ленинградского университета В. В. Мавродин утверждал, что держава киевских князей «подготавливала процесс образования единой русской народности», однако последняя так и не успела сложиться: начавшееся в XII в. дробление Руси на отдельные земли и княжества положило начало «новым этническим образованиям»; но западные и южные из них вскоре утратили государственную независимость и попали под «национальное и религиозное угнетение и культурный гнет»¹⁹.

Из принципиального положения о единой древнерусской народности как «основы, на которой выросли позднейшие братские великорусский, белорусский и украинский народы», исходили авторы выходивших в 1950-е гг. фундаментальных «Очерков истории СССР». Они полагали, что становление белорусской и украинской народностей началось уже с распадом Древнерусского государства в XII в., а затем происходило в XIV–XV столетиях в условиях татарского нашествия и включения русских земель в состав Литовского государства – при этом белорусы и украинцы «постоянно боролись за воссоединение в рамках единого Русского государства». Однако в книге отмечено «участие в этом процессе неславянских элементов населения», и сам вопрос этногенеза отнюдь не сочен «закрытым», но «подлежащим дальнейшей разработке» – например, в плане формирования национального самосознания белорусов и определения значения терминов (таких, как «Белая Русь») или особенностей официального языка Великого княжества²⁰.

Написавший соответствующий раздел в следующем многотомном обобщающем труде В. В. Мавродин переносил начало формирования белорусского и украинского этносов с XII на XIII столетие и объяснял его «отрывом юго-западных и западных земель когда-то единой Киевской Руси от других русских земель»; сам же процесс осложнялся классовым размежеванием,

¹⁸ См.: Юсова Н. М. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). Вінниця, 2005.

¹⁹ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Ленинград, 1945, с. 395–396, 401–402.

²⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Москва, 1953, ч. 2, с. 315, 557–560.

при котором православные феодалы были готовы предать свой народ «ради корыстных целей»²¹.

Вышедшая впервые в 1972 г. работа директора Института русского языка АН СССР Ф. П. Филина утверждала, что в эпоху образования Древнерусского государства «не было еще и зачатков исторически хорошо засвидетельствованных русского, украинского и белорусского языков». По мнению автора, существовал «единый язык восточнославянской (древнерусской) народности, который в разных местностях имел диалектные своеобразия», поэтому нельзя полагать, что современные языки сложились «на базе племенных подразделений и феодальных княжеств». Только с XIII в. можно говорить о появлении нескольких языковых «зон изменений» (южной, западной, северной и северо-восточной, приокско-верхнедонской, прикарпатской), а в XIV в. появились особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков²².

В последнем официальном университетском учебнике истории СССР древнерусская народность выступала как сложившаяся уже в X в. (соответственно «вызванию феодальных отношений в наиболее развитых областях восточного славянства»), а в XIII в. произошло ее разделение как последствие нашествия монголо-татарских завоевателей. «Белоруссия» и «Украина» в составе Великого княжества Литовского упоминались как современные географические понятия, но появление украинской народности и ее культуры, белорусского языка и рост «национального самосознания» отнесены к XVI в.²³

В выпущенной в начале 1990-х гг. «Истории Европы» А. Л. Хорошкевич пишет о «русских землях», «русской знати», «русской письменности», «русских городах» Великого княжества Литовского, и полагает, что только с XV в. «можно говорить о выделении русского, украинского и белорусского языков, об особенностях материальной и духовной культуры, наконец, единстве территории, занимаемых каждой из этих народностей»²⁴. Окончание этого процесса в работе четко не фиксируется, хотя украинская и белорусская культуры характеризуются как сложившиеся в XVI в.²⁵

²¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Москва, 1966, т. 2, с. 103–104.

²² См.: Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Москва, 2006, с. 632–635.

²³ История СССР с древнейших времен до конца XVIII века: Учебник / под ред. Б. А. Рыбакова. Москва, 1983, с. 49, 158, 221–223, 251. При этом многотомная «История Украинской ССР» по-прежнему относила начало процесса этногенеза украинского народа к XII веку (История Украинской ССР: в 10 тт. Киев, 1982, т. 2, с. 322–325).

²⁴ История Европы. Москва, 1992, т. 2, с. 437, 462–463.

²⁵ История Европы. Москва, 1993, т. 4, с. 576–586 (соответствующий раздел написан академиком НАН Украины Я. Д. Исаевичем).

Таким образом, можно отметить, что поставленные в 1953 г. задачи научного исследования не были реализованы (в том числе и обоснование критерии выделения новых «народностей»), а появление белорусов и украинцев постепенно «сдвигалось» на более позднее время. Сам же процесс этногенеза не рассматривался. В итоге в одной из немногих монографий, обращавшихся в то время к особенностям внутреннего устройства Великого княжества Литовского, заметны нестыковки позиций авторов: сначала сообщается о сложении трех восточнославянских языков в XV в., а затем – что это произошло в XVI–XVII вв.; при этом речь идет о существовании «старобелорусско-украинского языка» великокняжеской канцелярии, который в то же время был и разговорным²⁶. На страницах книги говорится о «древнерусских землях» и «традициях», «протобелорусском иprotoукраинском обществе» и «белорусских и украинских магнатах» применительно к одному и тому же периоду XV – первой половины XVI вв.; последние (т. е. украинская и белорусская шляхта) проявляли «государственный патриотизм», тогда как стремящиеся к объединению с Россией «народные низы» этого не понимали²⁷.

«Нарушителем» порядка стал археолог В. В. Седов. Он доказывал, что этнические особенности белорусов сформировались в результате ассимиляции пришлыми славянами восточно-балтских племен в период с IX по XIII вв., что привело к появлению ряда субстратных явлений в языке («дзеканье», твердый «р», аканье), материальной (столбовая техника строительства, элементы традиционного костюма) и духовной культуре (культ камня, почитание ужа). В итоге автор делал вывод о том, что этническое и языковое развитие славян Верхнего Поднепровья происходило «в условиях воздействия балтского этнического и языкового субстрата»²⁸; а привнесенные балтами самобытные черты впоследствии не исчезли полностью и вновь простиупили после распада Древней Руси – в результате чего и образовалась «белорусская этнолингвистическая общность».

Завязавшаяся на страницах журнала «Советская этнография» полемика хотя и сопровождалась указанием на связь позиции ученого с «историческими концепциями буржуазных националистов», но ограничилась спорами о границах и размерах ареала балто-славянского взаимодействия – тем более, что в ней участвовали не археологи, а историки и этнографы. Однако подня-

²⁶ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. А. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. Москва, 1982, с. 77, 78.

²⁷ Там же, с. 74–76, 175.

²⁸ Седов В. В. Еще раз о происхождении белорусов // Советская этнография, 1969, № 1, с. 105. См. также: Седов В. В. К происхождению белорусов // Там же, 1967, № 2, с. 112–129.

тая тема могла показаться нежелательной, поскольку могла быть применена к процессу этногенеза не только белорусов, но также русских и украинцев – на базе соответственно финно-угорского и индоиранского субстратов. Назначенная на 1973 г. в Минске конференция «Этногенез белорусов» была отменена, и выпущенный в свет сборник тезисов стал памятником несостоявшейся дискуссии.

Во времена «гласности» и «перестройки» проблемы национально-государственного прошлого «союзных» народов стали оживленно дискутироваться – не случайно белорусские авторы статьи о становлении национального самосознания подчеркивали, что она вызвана «острым интересом к этой тематике творческой интелигенции»²⁹. В московских научных изданиях реакция на появлявшиеся в республиках концепции этногенеза была относительно спокойной. Так, в рецензии на книгу белорусского исследователя М. Ф. Пилипенко ее автор И. Н. Браим изложил основные выводы работы (об этнических особенностях населения Белоруссии, начиная с конца эпохи неолита, и о завершении процесса формирования белорусского этноса в конце XVI – начале XVII вв.), хотя и счел их «недостаточно аргументированными»³⁰.

Но к тому времени былого идеологического единства уже не существовало. Распад СССР и становление новых государств сопровождалось появлением новых трактовок собственного прошлого и дискуссиями на страницах прессы и в интернете, где продолжаются и поныне. Интерес к проблеме не только не угас, но и породил в потоке поисков новой национальной идентичности спрос на фантастические построения, которые, как справедливо подчеркивается учеными разных направлений, грозят дискредитацией самой науки: «На 15-м году независимости отечественная наука еще не утвердила в общественном сознании общепризнанную концепцию генезиса украинцев», – признал в 2006 г. профессор Киево-Могилянской академии украинский археолог Л. Л. Зализняк³¹.

²⁹ Чаквин И. В., Терешкова П. В. Из истории становления национального самосознания белорусов // Советская этнография, 1990, № 6, с. 42–54. Началась критика представлений о «прогрессивной роли славянского элемента в формировании белорусского этноса», «об общей древнерусской народности», а также «о запоздалом до XIII–XIV веков оформлении белорусского этноса» – альтернативой стало признание прогрессивной роли балтского субстрата и датировка оформления белорусского этноса периодом не позднее IX–X вв., (См.: Носевич В. А. Белорусы: становление этноса и «национальная идея» // <http://www.vn.belinter.net/vkl/17.html>). По оценке исследователей «в белорусской научной среде до сих пор существует своеобразный раскол по отношению к «балтской концепции» (См.: Лобач В., Шишков А. Потомки Белополя. Новый взгляд на происхождение народа // Родина, 2001, № 1–2, с. 47).

³⁰ См.: Рец. на кн.: Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск, 1991 // Советская этнография, 1991, № 6, с. 141–142.

³¹ Зализняк Л. А. Происхождение украинцев: между концепцией «общерусской истории» и трипольской Араттой // <http://www.zn.ua/3000/3150/59705/>.

Украинские коллеги в 2007 г. провели круглый стол по проблеме «Мифологизация происхождения украинцев» – когда, вопреки археологическим, историческим, антропологическим и языковедческим данным, «первыми украинцами» объявляются носители Трипольской культуры V–III тыс. до н. э., а в школьную программу включается изучение т. н. «Велесовой книги» в качестве подлинного дохристианского письменного памятника³².

Надо сказать, что и в России проявились желание дифференцироваться от «братьских народов» и создать собственные мифы. Появились, например, концепции рождения великорусского этноса в XIII–XIV вв. на «татарской Руси» из славян и угро-финнов при активной «половой интервенции низших слоев татарского воинства»³³. В ответ на попытки «приватизации» истории Древней Руси на Украине у нас появились сочинения, утверждающие, что «именно великороссы являются потомками того населения, которое жило вокруг Киева во времена князя Владимира, а украинцы – нынешнее население – появилось позднее, из отдаленных окраин, мало знавших о тех событиях, которые воспеваются в былинах»³⁴. Другие авторы настаивают, что до начала XIX в. население Украины идентифицировало себя русским и до сих пор «не утратило ни своего русского языка, ни свойственной им русской культуры, ни сознания своей общности с остальным русским народом»; отстаивающие же свою самобытность украинцы есть «этническая химера» – результат «насильственного совмещения полярных культурно-психологических доминант» – русской и польской³⁵.

Оценивать подобные «штудии» всерьез едва ли стоит, однако они представляют собой уже некоторую тревожную тенденцию. Если же обратиться к профессиональным работам, то надо обратить внимание на осмысление принципиального при определении сроков и путей формирования современных восточнославянских народов понятия «древнерусская народность». В современной российской науке, в отличие от учебников, подходы к пониманию этого явления различаются.

Анализ археологического материала и древнерусских летописных текстов привел В. Я. Петрухина к выводу о наличии уже в XI в. «новой этнической об-

³² Лучик В. Болезнь роста // <http://www.inosmi.ru/translation/233448.html>; см. также: Бондаренко Н. С. Указ. соч., с. 226–229; интервью академика П. П. Толочко // www.edrus.org/content/view/4388/47/.

³³ См.: Шатило И. С. Великорусский этногенез. Московское феодальное государство и его культура. Москва, 2003, с. 13–14.

³⁴ Дикий А. Неизвращенная история Украины–Руси // http://sovremennik.ws/2007/09/30/neizvrashhennaja_istorija_ukrainyrsi._polnaja_versija_v_2_tomakh.html, с. 15.

³⁵ Родин С. Отрекаясь от русского имени. Украинская химера. Москва, 2006, с. 125.

щности» и «новой единой культуры» не только применительно к городскому образу жизни, традициям развития ремесла, исчезновению у образованной элиты «племенного самосознания». Вдали от городских центров «археологический материал свидетельствует о необратимых переменах в духовной культуре всего населения Древней Руси: на рубеже X–XI вв. обычай кремации умерших повсюду сменяется обычаем ингумации»³⁶. Вместе с тем исследователь подчеркивает, что быть «русским» в глазах средневекового «книжника» означало, прежде всего, «принадлежность к политической и культурной общности», в которой «княжеский “братский” род воплощал единство Русской земли и нового народа». Ордынское нашествие и господство привело к разрушению городской сети Руси, трансформации массовой культуры и деформации социальной структуры, а новая geopolитическая реальность в лице Великого княжества Литовского запустила процесс «этнической дифференциации былой этнополитической общности» и становлению новых народов – русских, белорусов и украинцев³⁷.

Б. Н. Флоря признает появление такой «новой этнической общности» в результате упадка племенного самосознания, и в качестве ведущего компонента последнего (как для «верхов», так и для «низов» общества) предполагает «государственный патриотизм», а не «сознание принадлежности к определенной народности»³⁸.

В работе об истоках и становлении древнерусской народности недавно скончавшийся академик РАН В. В. Седов, признавая «балтский субстрат» в качестве важного фактора формирования славянских общностей на территории современной Белоруссии, все же полагал, что «становление белорусов как особого славянского этноса было обусловлено не племенными особенностями славянского населения, расселившегося в Двинско-Верхнеднепровско-Неманском регионе, не политическими образованиями внутри Древней Руси, не вхождением этой территории в состав Великого Литовского государства, а иными причинами». Исследователь подчеркнул роль интеграционных процессов, которые привели к созданию «древнерусского языка и этноса», древнерусской культуры и «этнического самосознания восточнославянской общности». Такими консолидирующими факторами стали формирование дружиинной среды и ее культуры, процесс градообразования, функционирование великих торговых путей, деятельность христианского духовенства³⁹.

³⁶ Петрухин В. Я. Древняя Русь: народ, князья, религия // Из истории русской культуры. Москва, 2000, т. 1. с. 322, 333, 340–341.

³⁷ Там же, с. 332, 339, 353–356.

³⁸ Очерки истории культуры славян. Москва, 1996, ч. 1, с. 389.

³⁹ Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. Древнерусская народность:

Однако в середине XIII–XIV вв. западнорусские земли, Киевщина и Переяславщина были включены в состав Литовского государства. В результате этих событий «процессы интеграции, прежде имевшие место в условиях единства экономики, быта и культурной жизни восточного славянства, были полностью приостановлены. Яркая древнерусская культура, развитие которой во многом определялось высокоразвитым городским ремеслом, прекращает свое функционирование. Многие города Руси оказались разоренными и прекратили существование, в жизни сохранившихся городов наступил застой и упадок». Такая ситуация «привела к полному прекращению развития общих для всего древнерусского языка новообразований и к накоплению локальных языковых особенностей»⁴⁰. Как представляется исследователю, «определяющим в становлении нового этноса и языка было не городское, а сельское население, которому в большей степени было присуще диалектное своеобразие».

Этноним «белорусы», по мнению В. В. Седова, «первоначально не имел какой-либо этнической нагрузки и применялся для обозначения различных областей восточного славянства, в том числе Московского княжества, Новгородской земли и др. Начиная с XV в. Белой Русью параллельно в некоторых исторических источниках стали именоваться и западнорусские земли. Но только в XVII в. название Белая Русь закрепляется за Западной Русью. По-видимому, в том же столетии появляется и этноним белорусы, но потребовалось еще много времени, для того чтобы он стал самоназванием этого этноса»⁴¹.

Проблему формирования украинского языка и народности В. В. Седов считал более трудной для разрешения. Археологические данные, по его мнению, «допускают мысль о том, что ядром формирующейся после татаро-монгольского разорения украинской народности стала этнодиалектная группировка восточного славянства, представленная в самом начале средневековья пеньковской культурой, соотносимой с историческими антами» – что

историко-археологическое исследование. Москва, 2005, с. 830, 839–847. Сходные позиции занимали и другие исследователи, признававшие процесс консолидации разнэтнических территорий под эгидой великокняжеской власти: «Формирующийся общий древнерусский погребальный обряд отражал процесс этнической консолидации древнерусской народности. Условия такого этнического смешения в главных центрах Руси, где ведущую роль играла дружина, были благоприятны для распространения названия «русь» и в этническом, и в территориальном плане на огромную подвластную Киеву территорию от Среднего Поднепровья до Верхнего Поволжья» (Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории, 1989, № 8, с. 24–38).

⁴⁰ Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. Москва, 2005, с. 906–907.

⁴¹ Там же, с. 909.

доказывается «особым диалектным развитием этой общности», протекавшем внутри древнерусской народности и зафиксированным историческими документами XIII–XIV вв. Галицкой Руси. Ареал говоров древнерусского населения, вышедшего из антского диалектно-племенного образования, по мнению автора, соответствует «области распространения бескурганных могильников X–XII вв.», что подтверждают и материалы палеоантропологии: «древнерусское население той же территории составляли в основном прямые потомки антов римского времени».

В то же время В. В. Седов не считал возможным говорить о начале становления украинского этноса в I тыс. н. э.: «Допустима мысль лишь о зарождении в части славянского мира некоторых диалектных особенностей, ставших в условиях раздробленности восточного славянства XIV–XVI вв. характерными для формирующегося украинского языка» – при том, что потомки антов вошли не только в состав украинского этноса, но и расселялись по Дунайским землям и приняли участие в освоении Балканского полуострова. Опираясь на филологические изыскания Л. А. Булаховского и Ф. П. Филина, автор полагал, что только в XIII–XIV вв. «зачатки украинского языка» становятся явными в южнорусских грамотах: «так первоначально в древнерусском языке зародилось южнорусское наречие, которое постепенно эволюционировало в самостоятельный восточнославянский язык – украинский»⁴².

В. В. Седов признавал, что используемые им выводы филологов о связи современных диалектов восточнославянского ареала с древними племенными диалектами являются спорными. Его построения, как и следовало ожидать, вызвали критику со стороны украинских коллег: если автор признает, что «генетические корни украинцев восходят к антам и дулейбам», то «в таком случае непонятно, почему временем рождения украинского этноса исследователь считает лишь XIV–XV, а не V–VII вв. Тем более, что в монографии 1995 г. В. В. Седов на археологических материалах убедительно показал, что южные и западные славяне (сербы, хорваты, чехи, поляки, лужицкие сорбы и пр.) выходят на историческую арену в V–VII вв., а в IX–X вв. создают свои первые национальные государства. Аналогичная непрерывность культурно-исторического развития наблюдается и в Украине с середины I тыс. н. э. до первого государства южных русичей Киевской Руси X в. и дальше, к казацкой Украине»⁴³.

⁴² Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. Древнерусская народность: историко-археологическое исследование. Москва, 2005, с. 910–911.

⁴³ Зализняк А. А. О лехитских пращурах и древнерусской народности // http://www.geocities.com/ua_ukraine/ukr082.html.

Исходя из тех же представлений об антской основе приднепровских племен, оппонент делал принципиально иные выводы: «Именно этот средневековый этнос (праукраинцы VI–X вв. – И. К.) создал государство Русь, которое быстро трансформировалось в раннесредневековую империю, в X–XIII вв. осуществлявшую мощную экспансию на безграничные лесные пространства севера Восточной Европы. Вследствие колонизации праукраинским Киевом (Русью в ее исконном значении) балтских и финских племен лесной полосы Восточной Европы возникли молодые балто-русские (белорусы, псково-новгородцы) и финно-балто-русские (русские) этносы». После чего последние вступили в борьбу за политическую независимость от праукраинского имперского Киева» и в конце концов «освободились от опеки имперской метрополии, и Киевская Русь как государство фактически распалась еще до прихода татар. Так украинский этнос лишился созданной им империи, но продолжил свое существование в безгосударственном состоянии на своих этнических территориях», а позднее изменил свой этноним «русский» на «украинец»⁴⁴.

Данная позиция обладает известной логикой. Как заметил Б. Н. Флоря, «если признать аргументацию В. В. Седова убедительной, то, поскольку расселяясь по территории Восточной Европы, восточные славяне вступали в разных частях восточноевропейской равнины в контакт с разными этносами (помимо балтского на северо-западе с ираноязычным на юге и угро-финским на северо-востоке), следовало бы отнести начало формирования отдельных восточнославянских народов еще к до государственному периоду в истории восточных славян, а сам процесс их формирования придется в этом случае рассматривать как предопределенный заранее наличием на разных территориях разного этнического субстрата»⁴⁵. И «почему, говоря о непрерывности исторического развития на территории Сербии, Польши и Украины с VI столетия, история первых двух славянских государств и народов исчисляется с этого времени, а об украинцах даже в X–XI ст. “не может быть и речи”» – как пишет Л. Л. Зализняк.

Действительно, унификация культуры жителей древнерусских городов не обязательно свидетельствует о потере полочанами, новгородцами или киевлянами их этнической специфики. Но и обратное утверждение как минимум требует дополнительной аргументации, поскольку тезис «если полякам можно, то почему нельзя украинцам» сам по себе научным доказательством

⁴⁴ Зализняк Л. А. Происхождение украинцев по данным современной этнологии // <http://www.zn.ua/3000/3150/59705/>.

⁴⁵ Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997, с. 9.

быть едва ли может. Тем более что само понимание «этничности» как универсального исторического феномена далеко не бесспорно. И. Н. Данилевский сомневается в наличии единой древнерусской народности, но полагает, что «самосознание жителей Древней Руси (точнее, элитарное самосознание) не имело собственно этнического или политического характера»; общность языка служила лишь признаком принадлежности к весьма широкой славяно-христианской общности⁴⁶.

Итоги проведенных в последние десятилетия антропологических изысканий показывают, что восточные славяне принадлежат к различным ветвям европеоидной расы. Беломоро-балтийскую группу популяций представляют белорусы, в какой-то мере поляки, северные территориальные группы русского народа; при этом антропологическое сходство белорусов с балтами как будто подтверждает концепцию относительно недавнего балто-славянского единства. К восточноевропейской группе популяций относятся все территориальные группы русского народа, за исключением северных, и часть белорусов, преимущественно восточных и южных районов. Украинцы же представляют днепро-карпатский антропологический тип вместе со словаками и отчасти чехами⁴⁷.

Двигаясь на восток в ходе преимущественно мирной земледельческой колонизации, славяне оказывались в соседстве с различными иноплеменниками. В результате метисации в вятичах X–XII вв., заселивших междуречье Волги и Оки, и северо-восточных кривичах (группы ярославская, костромская, владимиро-рязанская) заметно проявление финно-угорских черт. В физическом облике западных кривичей (Псков, Полоцк, Смоленск, Тверь), радимичей (среднее течение Днепра и бассейн реки Сож), дреговичей (территория между Припятью и Западной Двиной) обнаруживается сближение с летто-литовским населением. Новгородские словене в наибольшей степени сохранили исходные черты своих североевропеоидных предков: очертания головы, четкую профилировку лица, светлые глаза и волосы. Этнические группы Волыни оказались наиболее широколицыми, то есть сохранили особенность, которая была признаком славян в эпоху сложения и существования их общности. Поляне же, имея в целом европеоидный облик, обладали комплексом черт, которые отличали их от западных, северных и восточных племенных образований славян, но являлись характерными для населения

⁴⁶ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. Москва, 1998, с. 278, 282.

⁴⁷ См.: Алексеева Т. И. Восточные славяне: истоки, становление, формирование // Наука в России, 2003, № 4, с. 63–66, 69.

черняховской культуры, которое в III–IV вв. н. э. обитало в степи и лесостепи от нижнего Поднавья до левобережья Днепра.

При этом в последующие века наблюдается прилив славянского населения с юга и запада, в какой-то мере нивелирующий антропологические различия между отдельными восточнославянскими группами. В эпоху позднего средневековья наблюдается явная европеизация славянского населения центральных областей Восточной Европы. А длительное соседство с кочевниками, как и татарское нашествие, напротив, антропологических следов у славян не оставило. В итоге обнаружена преемственность происхождения белорусов от дреговичей, радимичей, западных кривичей, а украинцев – от тиверцев, уличей, древлян, волынян, полян. В этногенезе русских приняли участие западные и восточные кривичи, словене новгородские, вятичи, северяне. Несмотря на указанные различия, ученые считают все же возможным говорить об исходном антропологическом единстве славян и наличии у них единой среднеевропейской прародины⁴⁸. Но не могут, как и археологи, ответить на вопрос, насколько эти средневековые популяции осознавали (или не осознавали) себя принадлежащими к определенному этносу. С точки зрения сегодняшних научных представлений говорить об «этносе» можно лишь тогда, когда у представителей этого «этноса» появляется этническое самосознание.

В этом смысле, по мнению М. В. Дмитриева, исследовательской перспективой будет не «потерявший смысл спор о том, было славянское население Киевско-Новгородской Руси украинским, русским или белорусским, а о том, на какой основе и как в православной культуре Восточной Европы в 10–13 вв. возникают дискурсы, приписывающие местному населению те или иные этнические характеристики»⁴⁹.

Процесс этот протекал на Востоке Европы иначе, чем на Западе, и это заставляет автора предположить, «что существовали постплеменные культуры, самосознанию которых такие дискурсы (наличия этнических или «национальных» общностей – И. К.) были органически чужды». В Московской Руси XVI–XVII вв. такое самосознание выразилось в представлениях о «Святой Руси», о Руси/русских как «Новом Израиле» и «Третьем Риме»; в восприятии «чужих» в «категориях почти одной лишь конфессиональной, политической и пространственной, а не “этнической” чуждости» – и в ана-

⁴⁸ См.: Алексеева Т. И., там же, с. 72; Восточные славяне. Антропология и этническая история / Т. И. Алексеева, Е. В. Балановская, Т. С. Балуева, А. П. Бужилова, Е. В. Веселовская; отв. ред. Т. И. Алексеева. Москва, 2002, с. 315.

⁴⁹ Дмитриев М. В. О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/dmitriev.doc>.

логичной по логике «полной и твердой привязанности к конфессиональному, династическому и политico-государственному принципам в построение самоидентификации»⁵⁰.

В то же время на украинских и белорусских землях имело место соревнование «восточной» и «западной» моделей, с присущим для последней «концептом этничности». Характеризуя этнокультурные процессы в Речи Посполитой, О. Б. Неменский подчеркнул «предельную пограничность всей этой ситуации – то, что это общество живет на границе между западным и восточным христианством; то, что это общество живет на границе между средневековьем и новым временем; то, что это общество живет и на границах этнических. Вот эта пограничность обусловила некоторую «мешанину», если можно так выразиться (и как они бы сами выразились), сознания людей того времени»⁵¹.

По мнению исследователя, если до Брестской унии «можно говорить о существовании цельного этно-конфессионального самосознания тех жителей Речи Посполитой, кто называл себя «русскими», то следствием ее введения стал «кризис идентичности»: «К началу XVII в. русская самоидентификация оказалась расколотой» – по линии социальной (с утверждением единого «политического народа» – шляхты) и по линии этноконфессиональной, когда православные не признавали униатов за «русских» или порой видели в них неведомую «новую русь», тогда как их противники большей частью воспринимали этничность как категорию независимую от религиозной принадлежности⁵².

⁵⁰ Дмитриев М. В. Проблематика исследовательского проекта «Cofessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Москва, 2008, с. 42. Как пишет другой исследователь: «Народ для московского летописца не является постоянно действующей силой истории, тождественной какому-либо территориальному, политическому или этническому целому, он возникает на самой церемонии, воплощая весь город, всю московскую землю и все православие. Причиной и одновременно формой существования «народа» оказывается при этом церемония как таковая... «Народ» не существует в социальном воображении того времени как отвлеченная идея, как понятие о носителе суверенитета или «духе нации». Народ в московских текстах XV–XVI вв. является церемониальной общиной одновременно всех московских христиан, христиан всего Русского царства и вообще всех христиан» (Ерусалимский К. Ю. Понятия «народ», «Росия», «Русская земля» и социальные дискурсы Московской Руси XV–XVII вв. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Москва, 2008, с. 156–157).

⁵¹ Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Москва, 2008, с. 198.

⁵² Неменский О. Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII вв. (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические тради-

Исследование употреблений терминов «Русь» и «русский» в имеющемся корпусе летописей привело Б. Н. Флорю к выводу о том, что к концу XII в. понятие «Русь» сужается до размеров Киевщины, хотя иногда встречаются упоминания «Роуской земли» и «роуских полков» в широком смысле слова. Но в XIII в. после монгольского нашествия представления о Руси и «русском» в широком смысле слова встречаются не реже, а, наоборот, чаще и в южном (галицком) и во владимирском и даже в новгородском летописании – применительно к этим землям и даже вытесняют в следующем столетии областные названия («суздальская земля»). Последнее автор оценивает как стремление отождествить с «Русью» именно свое политическое образование. А применительно к XIV в. московские летописцы для обозначения соседней державы и ее представителей используют термин «Литва» и «литовские паны» – по отношению не только к этническим литовцам. Но и представления об этнополитическом единстве еще держатся при довольно слабом – до конца XV в. – осознании социокультурных различий между двумя политическими объединениями⁵³.

В Кревской унии и последующих событиях Б. Н. Флоря видит определенный рубеж в истории восточных славян, когда «постепенно нарастают различия между социальным строем тех частей восточного славянства, которые вошли в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и тех, которые вошли затем в состав формирующегося Русского государства, с другой».

Однако это разделение создало лишь предпосылки формирования восточнославянских народностей. Точной отсчета в развитии этнического самосознания стали русско-литовские войны конца XV – начала XVI вв., когда, по мнению автора, появились первые свидетельства неприятия литовской шляхты и мещан «тиранической власти» московских государей. При этом осознание различий социально-политического строя еще не означало восприятия соседей как чуждого этноса: «московский люд – та же Русь и то же племя»⁵⁴.

ции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Москва, 2008, с. 182, 186–187, 193–194.

⁵³ См.: Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. Москва, 1995, с. 13, 16–19, 24–26, 33.

⁵⁴ Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997, с. 13–14. Автор признает, что использованные им высказывания принадлежат представителям польской элиты, но они все же могут рассматриваться как определенное отражение общественных настроений в Литве – тем более что «в польском обществе не существовало какой-либо самостоятельной традиции об этнических отношениях

В последней четверти XVI в. «осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории Речи Посполитой» – о чем свидетельствуют высказывания как польских авторов (М. Стрийковского) и деятелей унионии (И. Потея), так и православных полемистов (И. Вишненского и М. Смотрицкого): они говорили о «московитах» и «русских» или «нашей Руси», как о двух разных народах⁵⁵.

Однако начавшийся процесс этнической дифференциации не был завершен. В сочинениях киевских иерархов и православных авторов конца XVI – первой половины XVII вв. название «Малая Русь» употреблялось в широком значении – как территория Киевской митрополии, т. е. всех русских земель Речи Посполитой, с чем был согласен и М. С. Грушевский. Термин «Белая Русь» в первой половине XVII в. на территории Речи Посполитой являлось областным названием для ряда земель современной Восточной Белоруссии, а под именем «белорусцев» в московских документах того же времени фигурировали и жители современной Украины, из чего Б. Н. Флоря делает вывод об отсутствии к середине XVII в. доказательств «серьезной этнической дифференциации в среде восточных славян на почве Речи Посполитой»: разделение единого «русского народа» было еще впереди⁵⁶. Неустойчивости терминологии в этнополитической сфере признавал и А. И. Папков: московские люди XVI–XVII вв. нечетко различали на границах «литовских людей» и «черкас»-украинцев⁵⁷.

М. В. Дмитриев выдвинул мнение, что в украинско-белорусской культуре XVI–XVII вв. рождается дискурс «российского» («общероссийского», «общерусского») народа, который, хотя и не являлся доминирующим, но, тем не менее, в общественном сознании присутствовал. Более того, «церковная и отчасти светская «интеллигенция» именно украинско-белорусских земель в конце XVI – начале XVII вв. (в лице Ф. Кизаревича, К. Саковича, Герасима Смотрицкого, Иова Борецкого) выработала тот дискурс, который лег в основу общерусского самосознания XVIII – начала XX вв.» – представлений о «славя-

в Восточной Европе, и представления соответствующих авторов так или иначе должны были основываться на воззрениях, почерпнутых из восточнославянской среды. К этому следует добавить, что представители польской элиты никак не были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать единство восточных славян (и тем самым, хотя бы косвенно, признавать справедливость притязаний московских государей на древнерусское наследство)» (Там же, с. 15).

⁵⁵ Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997, с. 15–16.

⁵⁶ Там же, с. 21–23.

⁵⁷ Папков А. И. «Люди литовские» и «черкасы» на юго-западных рубежах России во второй половине XVI в. // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага. Мінск, 2007, с. 102–107.

нороссийском народе» или, говоря современным языком, «большой русской нации». Кодификатором этой концепции во второй половине XVII в. стал Иннокентий Гизель, а в XVIII в. «она легла в основу представлений о триедином русском народе»⁵⁸.

Эта позиция была оспорена. А. И. Хорошкевич указала, что у многих сторонников союза с Россией на Украине идея единства восточных славян «сопряталась с идеей столь же давнего происхождения вольности казаков и, соответственно, украинцев»⁵⁹. А. И. Миллер заявил, что в принципе некорректно говорить о «национальных проектах» и тем более о «нациях» применительно к XVI–XVII вв.:

«Они не сложились, и русская нация не сложилась к этому времени. И мы видим, как много серых зон, каких-то двойных, конфликтующих идентичностей существует до сих пор, как наследие неопределенной открытой ситуации»⁶⁰.

По мнению Б. Н. Флори, вхождение гетманата Богдана Хмельницкого в состав Российского государства «было воспринято обеими сторонами как восстановление прежнего единства», имевшего место во времена киевского князя Владимира Святославича. Однако, «ирония истории состояла в том, что в то время, когда политические события способствовали оживлению этого традиционного представления, перемены, связанные с установлением в гетманстве особого казацкого строя, привели к тому, что различия между общественным строем этого политического образования и общественным строем Русского государства оказались еще более глубокими и значительными, чем различия между общественным строем России и Речи Посполитой»⁶¹. В итоге представление о единстве восточных славян скоро столкнулось с реальностью двух различных по своей социальной структуре и пониманию условий объединения восточнославянских обществ.

Дискуссии по перечисленным вопросам выявили, по мнению их участников, недостаточную разработанность обсуждаемой проблематики, однако можно говорить о преодолении еще недавно отмечаемого падения интереса российских ученых к сюжетам, связанным с историей Великого княжества Литовского.

⁵⁸ Дмитриев М. В. О формировании дискурсов общерусского самосознания в украинско-белорусской культуре конца XVI–XVII вв. // <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/dmitriev.doc>.

⁵⁹ Хорошкевич А. Л. Куликовская битва и становление национального самосознания русских, украинцев и белорусов // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001, с. 74.

⁶⁰ Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник, 2003. Москва, 2003, с. 54.

⁶¹ Флоря Б. Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья – раннего нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. Москва, 1997, с. 20.